

С.В. Алексеев

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПАМЯТНИКАХ СТАРОСЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Аннотация: Настоящая работа продолжает анализ особенностей сербской средневековой исторической литературы, начатый автором в ходе их исследования и перевода в предшествующие годы. В статье подробно рассматривается один из важных аспектов данной темы, а именно репрезентация исторического времени в старосербских литературных памятниках. Автор приходит к выводу, что на весьма специфическое отражение исторического времени в сербских средневековых сочинениях повлияли архаические представления о цикличности истории и «обновляющей» функции сакрализуемого правителя.

Ключевые слова: историческое время, старосербская литература, средневековье, Сербия, южные славяне, хроники, летописи, жития, историописание.

Об авторе: Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», директор по научным вопросам Фонда «Связь эпох». Адрес: 123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, д. 9, к. 5. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Первое, что бросается в глаза любому исследователю-медиевисту при обращении к старосербским сочинениям исторического содержания – почти полное отсутствие привычной для других культур погодной хронологии и даже отсылок к ней. Даты от сотворения мира или от Рождества Христова в сербской литературной традиции отсутствуют (за единственным исключением, о котором речь далее) до 70-х гг. XIV в. Именно тогда появляется «Старшая сербская летопись», ознаменовавшая приятие сербской культурой византийского летоисчисления «от Сотворения мира». И тогда же единственная датировка по той же

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

эре замыкает собой оконченный около 1376 г. житийно-исторический свод «Жития королей и архиепископов».

При этом нельзя сказать, что хронологические эры сербской культурой до того не воспринимались или были неизвестны. Уже с конца XII в. они спорадически встречаются в надписях и в записях на книгах, а на протяжении XIII в. становятся там нормой. Именно такие записи памятного характера легли позже в основу старейших летописных статей (первая дата в «Старшей летописи» – 1317 г. [5: 72-73]). Хотя при этом сохранялись и иные формы датирования – по годам правления правителей (отмеченная, как будет показано, и в литературе), по значимым событиям-эпонимам (например, «год, когда король разбил турок» [4: 19]). Датировки от сотворения мира и, иногда (в боснийских актах исключительно), от Рождества Христова употреблялись в документах. Правда, употребление это было избирательным. Оно характерно для актов, связанных со сношениями с Дубровником, с дарениями афонским и католическим приморским монастырям. В то же время для «внутренних» актов, адресованных обителям в самой Сербии, до XIV в. указания на конкретный год менее характерны.

Складывается впечатление, что до первых десятилетий XIV в. употребление общепринятой в окружающих государствах хронологии для сербских земель оставалось ненормативным и «избыточным». Когда к нему прибегали, это было обусловлено либо юридической необходимостью, либо личной образованностью (в основном греческой) писавшего. Уникальность сербской традиции заключается, конечно, не в самом факте наличия «недатирующих» исторических сочинений, а в длительном и полном отсутствии «датирующих».

Наиболее ранний памятник средневековой историографии сербских земель, вероятно, – сохранившаяся на латинском языке «Летопись попа Дуклянина». Название «Летопись» дано учеными раннего нового времени и не отражает содержания памятника. Более удачно не прижившееся название «Барский родослов». «Летопись» на самом деле и представляет собой именно «родо-

слов», изложение истории «Королевства славян» как истории рода правящих им Остроиловичей. Фиктивная генеалогия этого рода, включившая в себя целый ряд правящих династий Адриатического региона, составляет стержень повествования. Именно по правлениям структурирована «Летопись» в сохранившихся латинских списках, а правления, как правило, соответствуют поколениям династии.

Даты в «Летописи» полностью отсутствуют (что делает принятое наименование еще менее удачным). Автор считает время по годам правления королей. Дважды, применительно к королю-крестителю Святополку и святому королю-мученику Владимиру отмечается день и месяц кончины, что отражает наличие церковного почитания. При этом отдельные годы внутри правления, а не общие сроки, появляются только к концу повествования, применительно к уже вполне историческим событиям XI – XII вв. Тогда же указания на срок правления становятся систематическими, при каждом из королей, и появляются попытки уточнить эти сроки до месяцев.

Только в начале либо славянский автор, либо латинский пересказчик-переводчик решил ввести синхронизм, определяющий время действия. Отмечается, что завоевание славянами (якобы «готами») Адриатических земель имело место «когда в Константинополе правил император Анастасий, который и себя, и многих других замарал евтихианской ересью, в Риме же восседал папа Геласий, когда блистали в Италии Герман, епископ, и Сабин, епископ Каносского престола, а также почтенный муж Бенедикт с горы Кассинской» [1: 48]. Синхронизм фиктивен – император Анастасий умер в 517 г., папа Геласий в 496, а Монтекассинский монастырь был основан св. Бенедиктом в 529. Но он призван подкрепить отождествление славян и готов – при Анастасии и Геласии готы завоевали Италию, а св. Бенедикт, как упоминается и далее, предсказал гибель включенного в родословную готского короля Тотилы. Известные лица «внешней» истории упоминаются и в дальнейшем – но именно как действующие лица повествования, а не как хронологические

маркеры. Никаких отсылок к их известности читателю при этом уже нет, а иногда они идентифицируются не без труда.

Внутри глав об отдельных правлениях повествование строится в основном по одной схеме, в которой генеалогические сведения предшествуют описанию королевских деяний. Эта схема четко выдерживается при описании истории Дуклянской державы XI в., где автор излагает историю уже вполне реальной династии Воиславичей. С другой стороны, в легендарной части есть небольшие главки, состоящие фактически только из имени короля и риторики.

Любопытна картина истории, представляемая структурой «Летописи» в целом. Начальный, «дохристианский» отрезок предстает как эпоха «взятия страны», описание которой строится по хорошо известной и из других европейских традиций схеме – от заселения-завоевания до окультуривания и христианского просвещения. Дальнейшее повествование состоит из трех отрезков, каждый из которых заканчивается политической катастрофой и гибелью «Королевства славян». При этом каждое возобновление повторяет в миниатюре сюжет «взятия страны» – каждый законный король-обновитель заново завоевывает Приморье, сражаясь на тех же землях, в одном случае с теми же врагами, и обустроивая покоренное. В первом случае [1: 59-61] крушение и вторичное «взятие» выдуманы — сюжет о короле Белом отражает всего лишь переход повествователя от мифической сборной родословной Остроиловичей к относительно реальной генеалогии династии Белоевичей, предков Воиславичей. Второй случай [1: 70-75] – реальное освобождение Приморья от византийского владычества местным династом Воиславом (в «Летописи» Доброслав), основателем Дуклянской державы. В каждой части довольно четко выделяется тема «возрастания» и «расцвета» державы; в качестве причин грядущего распада показываются грехи правителей и братоубийственные распри; затем следует описание нашествия внешних врагов и гибели. Можно думать, что, описывая гибель Дуклянской державы в середине XII в., повествователь надеялся на грядущее возрож-

дение, подспудно создавая, осознанно или нет, такую надежду у читателей самой структурой своего сочинения.

С начала XIII в. в новом государстве, державе Неманичей, единственной формой исторического повествования становятся жития правителей и первоиерархов. Житийный жанр, строго говоря, не подразумевает точной хронологии. Но все-таки к XIII в. различные прямые и косвенные указания на время событий, в том числе недавних, были скорее нормой для агиографов как в Византии, так и в славянском мире. Указания эти могли носить самый разный характер – от точного датирования (чаще всего кончины святых) по эре от Сотворения мира до указаний на генеалогию (в житиях правителей) или время того или иного правителя (в житиях нетитулованных подвижников).

Сербская житийная литература, ввиду отсутствия других исторических жанров, создает весьма отличное от древнерусского, например, восприятие самой истории. Сербская история вписана в мировую в том смысле, что является частью движения мира от Сотворения через кульминацию Пришествия Христова к Страшному Суду. Священная история сербским авторам хорошо известна как по Писанию, так и по церковному преданию, и используется ими для проведения параллелей с настоящим. Однако в самом этом настоящем мировая история как таковая самостоятельного значения для них не имеет. Лица и события «большой» истории упоминаются только если это уместно в повествовательных целях. Никакими привязками во времени или синхронизмами такие упоминания не служат. Дат же по «мировой» хронологии по-прежнему нет вовсе.

Отличия даже от житийного русского или византийского подхода XIII – XIV вв. становятся очевидны при обращении к единственному в этот период сербскому житию «обычного» преподобного – св. Петра Коришского (см.: [6]). Отличия тем более бросаются в глаза, что автором жития был Феодосий Хиландарец, создавший наиболее насыщенное именами и фактами политической истории, в том числе и «внешней», Житие св. Савы [2: 238-319]. В Житии св. Петра Коришского нет не только

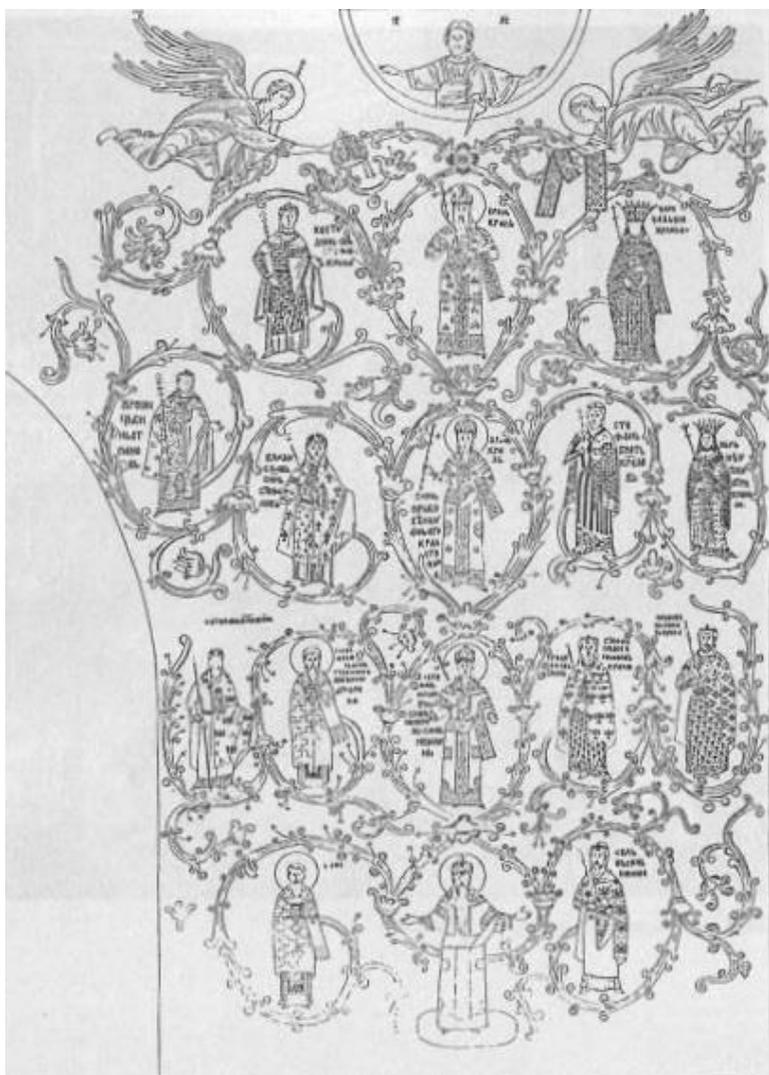
дат, но и каких бы то ни было датирующих привязок в «большой» истории, даже сербской. Это создало серьезную хронологическую проблему для современных ученых. Притом описываются времена сравнительно недавние для автора, едва ли отстоящие от него более чем на полтора века (скорее менее). Единственное время в Житии – время жизни самого святого. Точно так же, как в исторических житиях в центре оказывается фигуры Немани, позднейших королей и архиепископов, не нуждающиеся в каком-либо ином времени, кроме своего жизненного срока, – так и здесь в той же самой роли выступает образ простого сербского анахорета, основавшего обитель на Косове. Имея перед глазами образцы первых «исторических» житий, Феодосий перенес их картину мира на своего героя – и фактически вывел его за пределы истории.

В определенном смысле так же «неисторичны» и Жития св. Симеона и его сына св. Савы, с которых началось развитие сербской исторической агиографии. Ни в одном Житии св. Симеона-Стефана Немани, основателя династии и державы Неманичей, не называются имена его родителей и его братьев, с которыми он враждовал. Весь период до Немани в житиях Святославского цикла представляется как период неверия, ересей, смут и даже «гибели». Неманя, а за ним первый архиепископ Сербии Сава, начинают новый исторический цикл, который по сути только и является подлинной историей. Неманя «обновил погибшую свою дедину» (формулировка из его собственного акта), и бывшее до этого интересует агиографов лишь настолько, насколько связано лично с ним.

При всем том первое Житие св. Симеона, написанное Савой [2: 57-66], стоит особняком в сербской словесности по своему вниманию к хронологическим деталям. Сава детально расписывает хронологию последних лет жизни отца, а в конце делает специальный и подробный хронологический экскурс, охватывающий его жизнь от рождения до смерти, которая датирована точно до года (6708). Кроме этого, в Житии есть и еще две даты по византийской эре, тоже с днем и месяцем – дата пострига Немани

и его ухода на Афон. Это первый и исключительный случай во всей старосербской литературе до 1370-х гг. Объясняется он двумя причинами. Во-первых, «Житие» Савы являлось частью официального документа – монастырского Студеницкого типика, причем развернутым вариантом более ранней версии из написанного Савой на Афоне Хиландарского типика. Во-вторых, Сава убежал на Афон в ранней молодости, в совершенстве владел греческим языком и был очень хорошо знаком с византийской культурой – возможно, лучше, чем с традиционной сербской.

В последующих житийных памятниках Святосавского цикла таких примеров мы уже не находим. Житие св. Симеона от другого его сына, первого короля Сербии Стефана Первовенчанного [2: 67-89], гораздо более насыщено политическими событиями, посвящена прославлению побед как самого Немани, так и автора (воспринимаемых им как помощь святого отца). При этом хронологических указаний, даже относительных, в повествовании почти нет. Еще условнее хронология Житий св. Симеона и св. Савы, написанных учеником Савы Доментианом [2: 89-238]. Здесь часто употребляется формула «много лет», отделяющая не только действительно значительные промежутки времени, но и просто сюжетные отрезки повествования. Наиболее показателен случай, когда «много лет» проходит между свержением племянника Савы Радослава своим братом и уходом Савы в последнее паломничество на Святую землю. В реальности прошло едва ли больше двух-трех месяцев, и Доментиан, спутник Савы, не мог этого не помнить. Тем удивительнее, что в выходных записях житий [2: 137-138, 237-238] Доментиан точно называет годы по византийской эре и дает другие хронологические указания – только здесь это ему представилось важным. Лишь немногим более внимателен к хронологии событий Феодосий, при всем его интересе к историческим деталям – правда, он называет достоверный срок правления Савы на архиепископии. В целом можно заключить, что для почти всех авторов Святосавского цикла важна была только последовательность событий (за ней они в основном следят), но не их датировка.

Илл.1 «Лоза Неманичей» из Грачаниц (ок. 1315 г.)

Илл.2 «Лоза Неманичей» из Печа (между 1326 – 1330 гг.)

Илл.3 «Лоза Неманичей» из Дечан (ок. 1350 – 1355 гг.)

С начала XIV в. на стенах сербских храмов появляется «Лоза Неманичей» – рисованный родослов династии (см.: [3; 7]). Само по себе графическое представление генеалогии не было новостью ни для Европы, ни для православной иконографии, где прообразом «Лозы Неманичей» стала «Лоза Иессеева». Особость сербского случая была в том, что первая «Лоза Неманичей» в Грачанице (ок. 1315 г.) на момент своего появления не имела никакого соответствия в письменной литературе. Она являлась фактически первым и тогда единственным (может быть, и достаточным с точки зрения создателей?) представлением истории Неманичей в «писаной» форме. «Лоза» весьма удачно представляет взгляд на историю, известный уже со времени «Летописи попа Дуклянина». История – смена поколений правителей, причем в центре ее (здесь и графически в центре) цепь тех монархов, которые стали прямыми предками для последующих. Над каждым ярусом «Лозы» господствует фигура правителя, оставившего власть сыну, тогда как прочие даже правившие персонажи представлены как «боковые».

Этот взгляд немногим позднее находит и свое литературное воплощение в своде «Жития королей и архиепископов сербских» [2: 326-484], создававшемся архиепископом Даниилом II и его продолжателями примерно в 1314 – 1376 гг. Структурно и по отношению к хронологии это сочинение, несмотря на жанровую разницу, довольно близко к «Летописи попа Дуклянина». Это также в основе своей «родослов» (так и понимавшийся в раннее новое время), история «святой лозы» Неманичей и современных ей первоиерархов Сербской церкви. При этом «архиепископская» часть памятника структурно строится по образцу «королевской». Позднее к ней были добавлены кратко-риторические «жития», восполняющие, чаще всего чисто формально, повествования о пропущенных архиереях. Каждое же из королевских житий строится по похожей, лишь несколько варьирующейся схеме. Взаимосвязанные, они в то же время достаточно автономны друг от друга, иногда повторно воспроизводят одни и те же события или историю одного и того же отрезка времени.

Летоисчисление от сотворения мира в основном корпусе «Житий» не употребляется. Относительные датировки по годам

правления королей и первоиерархов встречаются, как и указания на сроки их правления, но последовательно этот принцип не проведен. Более-менее тщательно сроки правления указываются только в архиепископской части, и ближе к концу ее. Естественно, в подавляющем большинстве случаев (кроме условных «житий»-дополнений в архиепископской части) указываются день и месяц кончины, иногда даются и дополнительные хронологические указания (например, на день недели). Для демонстрации весьма необычного отношения составителей к хронологии хороший пример дает последнее жизнеописание, посвященное так и неканонизированному в итоге королю, а затем царю Стефану Душану, и написанное в его правление. В этом сочинении «ученик Даниила» детально указывает не имеющее никакого богослужебного смысла время договора Душана с византийским императором: «месяца августа в 26 день, днем в пятницу» [2: 420]. Не хватает только года.

Подведем итоги. При вполне осознанном восприятии образованными людьми христианской картины истории, историческое время собственно Сербии на практике даже ими воспринималось в рамках весьма архаической модели. История состояла из больших и малых циклов, причем большие соответствовали правлению династий и «изнутри» рассматривались как единственная подлинная история, сменившая незначимую «доисторию». Малый же цикл представлял собой правление отдельного монарха, годы правления которого были единственным общедоступным и общеизвестным, но все равно необязательным способом датирования событий. В центре этой картины истории — именно сакрализованная фигура монарха, который при своем вступлении на престол «обновляет» свою «дядину», деяния своих отцов и само историческое время, начиная его новый отсчет. Слово «обновление», весьма регулярно используемое и в актах, и в житиях Неманичей начиная с Немани, употребляется в последних применительно к Немане, его сыновьям, величайшему на момент создания житийного свода королю Сербии Милутину. По сути, оно вполне соответствует общему архаическому представле-

нию о «вечном возвращении», лежащему в основе многих культурно-исторических схем по всему миру.

Значение этого отнюдь не ограничивается собственно проблемой репрезентации времени в литературных памятниках. Это – лишь часть более обширного комплекса представлений о священности власти и обязанностях правителей, удержавшихся в сербском обществе прочнее, чем в других средневековых славянских. «Священный» в дохристианскую эпоху, находящийся в центре социума и космоса правитель теперь должен был стать «святым» – и в Сербии мы имеем уникальную для христианского мира ситуацию канонизации почти всей правящей династии, «святой лозы». Однако следует понимать, что такое освящение архаического не было исключительно литературным и культовым явлением – оно с неизбежностью должно было находить основания в реальной жизни. «Недостойный» по тем или иным причинам правитель свергался – и история Сербии опять же дает гораздо больше примеров такого рода, чем история других христианских стран Европы. Правитель должен был соответствовать и старому представлению об устройтеле и обновителе, и новым представлениям о христианской святости.

Литература

1. *Алексеев С.В.* Летопись попа Дуклянина. СПб., 2015.
2. *Алексеев С.В.* Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв. Т. 1. Жития святых Симеона и Савы. Жития королей и архиепископов сербских. СПб., 2016.
3. *Радојчић С.* Портрети српских владара у средњом веку. Београд, 1996.
4. *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Књ. 1. Београд, 1902.
5. *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци, 1927.
6. *Шнадијер И.* Свети Петар Коришки у старој српској књижевности. Београд, 2014.
7. *Petković V. R.* «Loza Nemanjića» u starom živopisu srpskom // *Narodna starina*. 1923. Br. 5. S. 97-100.